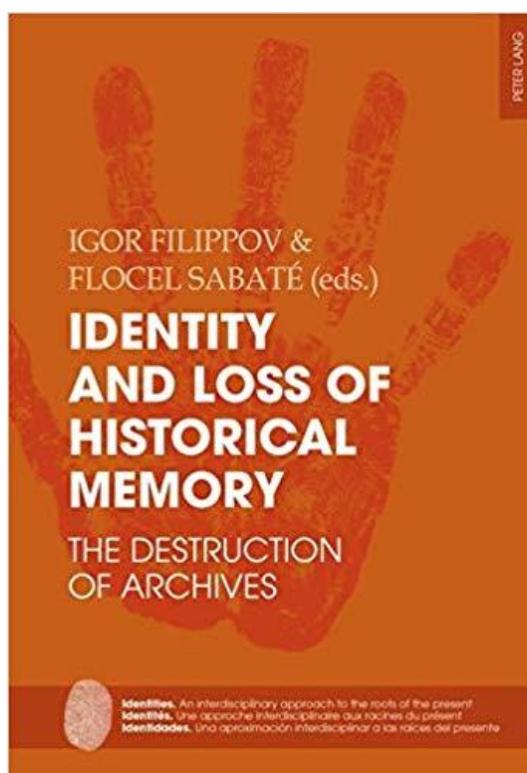

РЕЦЕНЗИИ

Пименова Л.А.*

Судьбы архивов в эпохи перемен

Рецензия на книгу: **Identity and Loss of Historical Memory. The Destruction of Archives. Acts of the conference «Revolution and Archives» (Moscow, 19-20 April, 2006) / Ed. Igor Filippov and Flocel Sabaté. Bern: Peter Lang, 2017**

Ключевые слова: архивный поворот, архивы, историческая память, национальная идентичность, Русская революция 1917 г., Французская революция конца XVIII в.

Key words: archival turn, archives, French revolution of the XVIII century, historical memory, national identity, Russian revolution of 1917

На протяжении последних десятилетий формирование, сохранение и использование архивов стало предметом теоретических размышлений в профессиональном историческом сообществе, что дало

* *Пименова Людмила Александровна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mpimeno@yandex.ru)

основания для констатации «архивного поворота». Сохранность и доступность архивных документов – условие нормальной работы историков. Утрата архивов не просто затрудняет ход исследования, но и деформирует представления о прошлом. Между тем, архивы – это не только необходимые для исследователя хранилища документов, но и сознательно создаваемые и несущие в себе идеологическое содержание инструменты исторической памяти, наряду со статуями, храмами, дворцами и триумфальными арками. Исторические сломы и катаклизмы отражались на состоянии архивного дела и приводили – умышленно или в силу случайного стечения обстоятельств – к гибели части архивов. Политические революции сопровождались революциями символическими. Новые власти, выстраивая новое символическое пространство, инициировали снос памятников прежним правителям и уничтожали созданные ими архивы. О том, как это происходило в разное время и в разных странах, к каким последствиям вело и насколько историки оказываются способны восстановить утраченную информацию, шла речь на международной конференции «Революция и архивы», организованной профессором И.С. Филипповым на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 2006 г. Ее материалы спустя несколько лет, наконец, увидели свет в рецензируемом сборнике «Идентичность и утрата исторической памяти. Уничтожение архивов», опубликованном в Швейцарии. В состав авторского коллектива вошли ученые из десяти стран: Ватикана, Великобритании, Ирландии, Испании, Мальты, России, США, Украины, Франции, Чехии. Издание двуязычное: статьи написаны на английском и французском языках. Судя по текстам, они опубликованы в авторской редакции.

В двух предисловиях соредакторы сборника Игорь Святославович Филиппов (Исторический факультет МГУ) и Флосель Сабате (университет Лериды, Испания) подчеркнули политическое значение архивов для утверждения власти, обоснования государственных интересов и конструирования национальной идентичности. Неслучайно поэтому короли, аристократы, монастыри и города создавали и хранили свои архивы, а участники революций и народных восстаний Средневековья, Нового и новейшего времени уничтожали архивы, чтобы низвергнуть прежнюю власть и стереть саму память о ней. Вместе с тем, причины уничтожения архивов могут быть не только политическими, но практическими: многие документы уничтожались и продолжают уничтожаться, теряя со временем практическую значимость и становясь бесполезными для работы государственных учреждений. Проводившиеся в разных странах реформы могли сопровождаться полной или частичной реорганизацией старых архивов, в результате которой фонды, изначально представлявшие собой единое целое, рассеивались по разным хранилищам и коллекциям и фактически исчезали в своем первоначальном виде. Подобное не раз случалось и с личными архивными фондами из-за разделов между наследниками и продаж с аукционов. Причинами гибели архивов и библиотек становились пожары и обрушения зданий. Ущерб архивам наносили не только люди, но и природа: плесень, грибок, крысы. Так что в силу многих причин архивы в их нынешнем виде хранят лишь часть поступивших туда

некогда дел, одни фонды собраны из документов разного происхождения, тогда как другие, изначально представлявшие собой единое целое, теперь рассеяны. Архивы в их сложившемся виде несут в себе следы перемен, борьбы, утрат, стремления сохранить свою и уничтожить чужую память о прошлом. Поэтому, по мнению инициаторов издания, тема судеб архивов в годы революций представляет особенно большой интерес для историков.

Уильям Розенберг (Университет Мичигана, США) в статье «Революционные архивы и “архивный поворот”» поставил теоретические вопросы, касающиеся роли архивов в продуцировании исторического знания, и продемонстрировал свои выводы преимущественно на примерах из истории советских архивов. Автор подчеркнул, что уже сам отбор документов для хранения, их классификация и каталогизация участвуют в создании исторического нарратива. Архивы, таким образом, нельзя считать простыми хранилищами остатков прошлого, они не являются идеологически и политически нейтральными, и к ним в полной мере можно отнести известное высказывание: «Историю пишут победители». В самих названиях архивов – таких как Национальный архив Франции или Центральный государственный архив Октябрьской революции, преобразованный в 1992 г. вслед за сменой политического режима в стране в Государственный архив Российской Федерации, – присутствуют и определенная концепция истории страны, и идеологические коннотации.

При всем географическом (Англия, Ирландия, Испания, Италия, Мальта, Россия, Украина, Франция, Чехия) и хронологическом (XVIII-XXI вв.) разнообразии проблематики в центре внимания авторов большинства статей оказались судьбы архивов во время Французской революции XVIII в. и Русской революции 1917 г.

И.С. Филиппов в статье «Сквозь дым революционных пожаров: что мы знаем о средневековой Франции несмотря на массовое уничтожение архивов во время Революции 1789 г.?» показал, что в уничтожении архивов, с одной стороны, прослеживалась осознанная политическая мотивация: сжигались, в основном, сеньориальные и монастырские архивы, хранившие записи о крестьянских повинностях. С другой стороны, сохранность или гибель архивов зависели от целого ряда случайных обстоятельств, таких как обстановка на местах и позиция местных властей. При этом историк отмечает, что оценить масштабы «революционного вандализма» мы можем, лишь установив предварительно степень сохранности местных архивов до Революции. Некоторые из них на протяжении столетий неоднократно подвергались уничтожению в результате пожаров и конфликтов, начиная от средневековых набегов сарацин до Религиозных войн XVI в. Реформирование монастырей в середине – второй половине XVIII в. также привело к частичной утрате монастырских библиотек и архивов. Все эти многочисленные потери привели к искажению образа прошлого, отраженного в сохранившихся источниках. Так что исследователь должен иметь в виду, что большое количество старинных кодексов и грамот, обнаруженное им в одних местных архивах, и их отсутствие в других

может свидетельствовать не о региональных различиях в развитии средневекового общества, а лишь о том, что в одних случаях источники уцелели, а в других – нет.

Брюно Дельмас (Национальная школа хартий, Франция) в статье «Административный переворот и передача архивов: аспект Французской революции» отметил, что архивы во время Революции могли уничтожаться в силу разных причин: сознательно, случайно, а также «естественным» образом, потому что один порядок приходил на смену другому. Упомянув вскользь о явлении, известном под названием «революционного вандализма»: массовом сносе памятников, осквернении храмов, уничтожении сеньориальных архивов, - автор сосредоточил внимание на происходившем в те же годы процессе реорганизации архивов. В начале Революции старая административно-территориальная система и прежние институты провинциальной и местной власти (интенданты, провинциальные штаты, парламенты, губернаторы и др.) были упразднены, на смену им пришли деление страны на департаменты и местная администрация нового типа. Эта реформа повлекла за собой перемещение документов во вновь созданные хранилища при новых властных институтах. Поскольку границы департаментов не совпадали с границами прежних административно-территориальных единиц, возникла проблема перераспределения документов между департаментскими архивами. Задача дополнительно осложнялась тем, что по закону в департаментах должны были остаться только самые актуальные (принятые не больше десяти лет назад) документы местного значения, полезные для ведения текущих административных дел, тогда как документы, касающиеся общегосударственных дел или представляющие чисто исторический интерес, следовало передавать в Париж, в Национальный и министерские архивы. На бумаге эти распоряжения смотрелись ясно, но выполнить их на практике оказалось нелегко. Не все документы поддавались однозначной интерпретации, особенно ввиду того, что разобрать, классифицировать и перевезти их предстояло в кратчайшие сроки, к концу 1790 г. Окончательное решение, определявшее судьбы провинциальных архивов, зависело от комиссаров, уполномоченных их разбирать, оценивать степень «полезности» и перевозить. Неизбежным результатом стало уничтожение и рассеяние архивных фондов упраздненных провинциальных учреждений Старого порядка, вопреки намерениям революционных законодателей, желавших сохранить старые архивы и реорганизовать их более рациональным образом. Процесс уничтожения старых архивов стал одновременно процессом создания новых архивов, включавших в себя старые в измененном виде. Сравнивая архивы в их нынешнем состоянии с произведениями искусства, подвергавшимися за долгие годы многочисленным переделкам, автор уподобляет историка-архивиста реставратору, перед которым постоянно встают вопросы: в каком виде следует восстанавливать поврежденный памятник, какое его состояние можно признать аутентичным. Эти вопросы, по мнению автора статьи, актуальны и для историка, изучающего архивы.

Пьер Сантони (Архив департамента Верхняя Корсика, Франция) в статье «Французская революция, архивы и “миметическая теория”» предлагает критически пересмотреть некоторые общепризнанные постулаты, касающиеся истории французских архивов. Известно, что существующая ныне система государственных архивов Франции – детище Французской революции, так как именно тогда были приняты основополагающие декреты об организации Национального и департаментских архивов. Историки при этом обычно подчеркивают значение декрета 7 мессидора II года Республики (25 июня 1794 г.), в котором были заложены два принципа, действующие до сих пор: централизация системы государственных архивов и свободный доступ граждан к фондам. Внимательно вчитываясь в статьи этого и других декретов и пытаясь осмыслить их в историческом контексте Франции лета 1794 г. (закон 7 мессидора принимался в момент апогея развязанного монтаньярами большого террора), Сантони приходит к выводу, что идея архивов как хранилища национальной памяти была абсолютно чужда и даже противоположна замыслам революционных законодателей. Их главной задачей было не сохранение памяти о прошлом, а уничтожение всего, что могло бы послужить правовым обоснованием возврата к прежним порядкам, в первую очередь, грамот, подтверждающих сеньориальные права. Документы, свозимые во вновь созданные архивы, подлежали предварительной сортировке, после которой значительная их часть уничтожалась. Этой же цели служил и принцип свободного доступа граждан к архивам: каждый мог проверить, не сохранились ли там документы, связанные с проклятым «феодалным прошлым». Для интерпретации такого отношения к архивам Сантони обращается к «миметической теории» антрополога Рене Жирара, по мнению которого свойственное людям стремление подражать друг другу и, в то же время, конкурировать друг с другом периодически, при неблагоприятных обстоятельствах выливается в разрушающую общество «войну всех против всех», которую способно остановить только избрание общего врага или общей жертвы. Так произошло во Франции конца XVIII в.: конфликт разрастался, в него втягивались всё более широкие слои населения, что сопровождалось поисками внешних и внутренних врагов ради восстановления утраченного общественного единства. В такой обстановке и был принят декрет 7 мессидора II года об организации архивов; уничтожение «врагов республики» сопровождалось и дополнялось уничтожением старых архивов. Но этот декрет не был в полной мере реализован и большая часть парижских и департаментских архивов оказалась спасена, так как через месяц после его принятия последовали переворот 9 термидора, свержение и казнь М. Робеспьера и постепенный отход от диктатуры и террора. Впоследствии же закон 7 мессидора, нацеленный на уничтожение большей части старых архивов, парадоксальным образом стал восприниматься как основа для создания архивной системы Франции. Разъясняя этот парадокс, автор обращает внимание на то, что отношение к архивам с тех пор претерпело существенную трансформацию. Сейчас они стали хранилищами информации и памяти, а обращение к ним диктуется практическими или научными потребностями. Изначально же они

представляли собой хранилища актов, призванных устанавливать и поддерживать порядок, улаживать конфликты, предотвращая тем самым насилие. Роль архивов в сохранении установленного порядка относилась к сфере сакрального. Неслучайно поэтому хранились они обычно в сокровищницах, ризницах, храмах и часовнях. А в момент революционного кризиса старые архивы подлежали уничтожению как одна из основ Старого порядка, и вместо них был создан новый Национальный архив.

В статье Франсуазы Ильдесаймер (Национальный архив Франции – университет Париж 1) «Управление архивами Французской революции» демонстрируется тесная связь истории архивов с политическими изменениями во Франции с конца XVIII до конца XX в. Исследовательница подчеркнула, что, несмотря на «революционный вандализм» и массовое уничтожение документов в годы Революции, именно тогда был создан Национальный архив Франции. Постепенно, на протяжении столетия, к концу XIX в. отношение к архивам изменилось: в сознании современников из собрания документов для практических нужд администрации они превратились в хранилища национальной памяти и необходимую базу для научных исследований. Революция, оставаясь по-прежнему сильно политизированным, «горячим сюжетом», постепенно становилась частью национальной исторической традиции, а историография Революции – всё более эрудитской. Одновременно менялось и отношение к архивным источникам периода Революции. Долгое время они не привлекали внимания исследователей, и история Революции писалась преимущественно по опубликованным текстам тех лет. Перелом произошел в конце XIX в., когда отмечался столетний юбилей Революции: историки всерьез обратились к изучению неизданных архивных материалов. Тогда же появились и многочисленные публикации источников по истории Революции, были изданы описи, каталоги и путеводители по архивам, призванные облегчить и ориентировать работу исследователей с неизданными документами. Тот бум публикаций архивных источников и по сей день остается уникальным. Двухсотлетний юбилей Революции в 1989 г. вылился в проведение многочисленных коллоквиумов, издание обобщающих работ и словарей, но не привел к появлению сколько-нибудь значительных публикаций текстов, за исключением издания протоколов Директории. Как это можно объяснить? По мнению исследовательницы, дело в том, что публикаторский бум рубежа XIX-XX вв. был продиктован не только сугубо научными, но и политическими мотивами. Оценивая Революцию конца XVIII в. как основополагающее событие национальной истории, историки периода III Республики считали своим долгом хранить ее архивное наследие и распространять его как можно шире.

О судьбе документального наследия Французской революции на примере одного архивного фонда речь идет в статье Сержа Абердама (Национальный институт агрономических исследований, Франция) «О происхождении подсерии В II Национального архива (Народные голосования, Конституции 1793 и 1795 гг.)», которая содержит обстоятельную характеристику степени сохранности различных документов, оставшихся от голосований на выборах 1790-х гг., и прослеживает историю их

изучения. Автор наглядно показывает, какое влияние на исследования и выводы историков оказывают сохранение и, наоборот, уничтожение того или иного массива документов. Если указы Генеральным штатам 1789 г. в большинстве своем сохранились и опубликованы, то оригиналы протоколов первичных собраний, на которых обсуждались тексты конституций 1793 и 1795 гг., были уничтожены, что существенно затрудняет изучение массовых политических настроений этого периода.

В двух статьях прослеживаются судьбы архивов в странах, оккупированных французами в годы наполеоновских войн. Как показал Стэнли Фиорини (Университет Мальты) в статье «Сохранение архивов инквизиции Мальты во время французской оккупации: 1798-1800 гг.», хотя суд инквизиции и был упразднен, но его архивы не подлежали уничтожению. Главным аргументом для французских оккупационных властей стало то, что документы инквизиции могли касаться вопросов собственности и потому сохраняли актуальность. Из статьи Кристины-Марии Графингер (Апостолическая библиотека Ватикана) «Транспортировка ватиканских рукописей и вывоз архивов в Париж при Наполеоне» следует, что транспортировка архивов Ватикана в Париж была организована четко и прошла без потерь. Напротив, большой ущерб они понесли в процессе возвращения. При перевозе архивов обратно в Рим примерно треть документов по вине ответственных за это людей оказалась утеряна или распродана.

Флосель Сабате посвятил свое исследование «Средневековые документы и архивы Каталонии после переворотов XIX в.» влиянию политических конфликтов в Каталонии на сохранность архивных источников по истории Средних веков. Часть средневековых документов уже до XIX в. была утрачена в ходе столкновений между испанской и французской монархиями и Войны за испанское наследство. Особенно большой ущерб каталонским архивам нанесли наполеоновские войны и французская оккупация. В 1808-1814 гг., при вторжении французской армии в Испанию многие монастырские и городские архивы были разграблены и сожжены. Утраты продолжались и в дальнейшем: упразднение инквизиции сопровождалось уничтожением части ее архивов, во время народных восстаний наряду с другим церковным и монастырским имуществом страдали архивы, некоторые церковные и городские архивы погибли в ходе карлистских войн. К гибели архивов приводили не только войны и восстания, но и административные реформы XIX в. Старые документы, утратившие значение с точки зрения управленческой практики, терялись или уничтожались, так как служащие, в чьи руки они попадали, не обладали достаточной компетенцией, чтобы определить их историческую ценность. Потери не прекратились и в XX в. Значительная часть каталонских архивов погибла в ходе Гражданской войны 1936-1939 гг.: в Каталонии, которая была оплотом левых, нотариальные и церковные архивы подвергались целенаправленному уничтожению. Автор показывает связь судьбы архивов с проблемой испанского национального единства. Стремление укрепить и обосновать единство привело к постепенному перемещению части каталонских архивов из Барселоны в Мадрид, сначала в хранилище Королевской исторической академии, а затем в созданный в 1866 г. Национальный исторический архив.

В XIX-XX вв. отношение к каталонским архивам, их хранение и изучение в значительной мере определялись поисками национальной идентичности и конфликтом между единой испанской и особой каталонской идентичностями. Сейчас средневековые каталонские рукописи, особенно церковные, сильно разбросаны по разным хранилищам и коллекциям Испании и других стран. Многие утеряны безвозвратно, другие хранятся в частных коллекциях и время от времени появляются у антикваров и на аукционах. При попытках воссоздать картину прошлого по сохранившимся архивным источникам следует учитывать их фрагментарность – к такому выводу приходит автор.

Сравнительно-исторический характер носит статья Евгения Васильевича Старостина (Московский государственный историко-архивных институт) «Революция и архивы: опыт Французской революции конца XVIII в. и Русской революции 1917 г.». Сходство двух революций автор усматривает в том, что именно тогда в обеих странах была создана централизованная система государственных архивов. При этом в обоих случаях дореволюционные архивные фонды понесли утраты, подверглись новой классификации, частично были рассеяны. По словам автора, отношение к дореволюционным архивам в России после 1917 г., на первый взгляд, выглядело более бережным в силу ряда причин, в частности, достигнутого к тому времени высокого уровня развития историографии и архивистики. При этом Франция уже в XVIII в., в отличие от России, была страной с богатой письменной правовой традицией. Частная собственность и ее правовые основы глубоко укоренились, в том числе и в низших слоях населения, поэтому, с точки зрения крестьян и городского плебса, отмена феодальных прав должна была сопровождаться уничтожением документов, в которых эти права зафиксированы. В России же в глазах народа документ не имел такой силы, и крестьяне жгли помещичьи усадьбы, не проявляя при этом особого интереса к документам. Но церковные документы подверглись в России уничтожению в еще больших масштабах, чем в революционной Франции. В ряде случаев уничтожение архивов и библиотек было проявлением стихийного вандализма толпы. В городах целенаправленному уничтожению подвергались архивы полиции и жандармерии. Как и во время Французской революции, в годы Русской революции уничтожались документы, подтверждающие права собственности, так как большевики ставили целью отменить частную собственность. Однако большевики, в отличие от французских революционеров, не устраивали публичных театрализованных аутодафе и жгли документы тайно. В официальном большевистском дискурсе доминировала идея сохранения старых архивов. Важным отличием стало то, что французский принцип свободного доступа всех граждан к архивам не был реализован в Советской России.

Зинаида Ивановна Перегудова (Государственный архив Российской Федерации) в статье «Тайная полиция и архивы дома Романовых в революционные дни 1917-1920 гг.» рассмотрела проблему утраты архивных документов во время Русской революции на примере обстоятельств уничтожения архивов Департамента полиции и материалов из личного архива царской семьи.

Исследовательница проследила, какие документы полицейского департамента и личные бумаги семьи Романовых уцелели и где хранятся сейчас.

Ирина Матяш (Институт истории Украины Национальной академии наук Украины) в статье «Архивы во время Украинской революции 1917-1921 гг.» рассмотрела два взаимосвязанных аспекта проблемы «революция и архивы»: сохранение архивов в революционный период и организацию архивной службы в новом государстве. В 1917-1921 гг. украинские историки пытались по возможности спасти от уничтожения документы жандармерии и частные архивы дворянских семей. Их усилия опирались на поддержку властей украинского государства. Большую роль в деле спасения архивов сыграл председатель Украинской Центральной рады видный историк Михаил Грушевский. Он выступил инициатором создания Украинского национального архива и учебных заведений для профессиональной подготовки архивистов. В прессе регулярно печатались воззвания беречь архивы как национальное достояние. Правда, несмотря на все усилия, в условиях гражданской войны и революции погибла часть рукописных собраний церквей и монастырей, семейные архивы магнатов. Одни документы уничтожались целенаправленно, другие ввиду нехватки бумаги использовались на запалы и самокрутки. Специфика ситуации на Украине определялась тем, что на ее территории параллельно существовали две государственные структуры – национальная украинская и советская – со своими, во многом похожими архивными службами.

Говард Б. Кларк (Ирландская королевская академия) посвятил статью «В поисках утраченного времени: последствия уничтожения Ирландского государственного архива в 1922 г.» гибели архива в Дублине во время гражданской войны 1922-1923 гг. 30 июня 1922 г. в результате взрыва Здания Четырех судов был уничтожен расположенный там Государственный архив Ирландии. После утраты архива остались лишь те старинные ирландские документы, которые хранятся в библиотеках, в Ирландской королевской академии или в архивах и библиотеках Англии. Кроме того, часть архивных материалов к началу XX в. была опубликована. Несмотря на эти оговорки, потеря остается невосполнимой, и историкам с сожалением приходится признавать, что они имеют дело лишь с отдельными фрагментами картины средневекового прошлого Ирландии. В результате катастрофы, произошедшей в Дублине, исследователи имеют возможность адекватно оценить масштабы урона, нанесенного историческому знанию. В большинстве же других, не столь очевидных случаев об этом остается только предполагать.

Какие уроки способны извлекать историки и политики из чужого печального опыта, показал Ян Рыхлик (Институт Масарика и Архив Академии наук Чешской республики) в статье «Разделение государства и архивов: случай Чехословакии». После того как в ночь с 31 декабря 1992 на 1 января 1993 г. единая прежде Чехословакия разделилась на два независимых государства, Чехию и Словакию, была образована совместная чешско-словацкая комиссия, которая занялась судьбой архивов. Комиссия

учла прежний опыт реорганизации архивов как после распада Австро-Венгрии и образования независимой Чехословакии в 1918 г., так и после оккупации в годы Второй мировой войны, и в полной мере оценила все сложности, риски и возможные потери в случае разделения и перемещения архивных фондов. В результате комиссия приняла решение не предпринимать обмена архивными документами между Чехией и Словакией, оставить все архивы в их прежнем виде и на прежних местах, а при необходимости обмениваться копиями интересующих друг друга документов, тем более что современные технические средства позволяют легко это сделать.

Леонид Иосифович Бородин (Исторический факультет МГУ) в статье «Экономическое измерение ГУЛАГа: свидетельства “архивной революции”» обратил внимание на то, что смена политического режима может привести не только к утрате архивных документов, но и к их введению в научный оборот. Открытие ранее недоступных для историков архивов, последовавшее за перестройкой и распадом СССР, стало настоящей «архивной революцией». Автор рассмотрел в статье экономическую историю ГУЛАГа в свете новых документов, открытых для исследователей в 1990-е гг. Введенные в оборот архивные документы показывают значение ГУЛАГа как важнейшей части советской экономики. Статья демонстрирует, как привлечение новых источников заставляет пересмотреть сложившиеся стереотипы и внести нюансы в распространенные концепции, в частности, анализ архивных данных свидетельствует о внедрении экономической мотивации в систему принудительного труда.

Революциям в самом архивном деле посвящена статья Эдварда Хиггса (Университет Эссекса, Великобритания) «Архивы в мирной стране: еще один пример английской исключительности?». Конечно, и в истории Англии были случаи гибели архивов, как, например, в период протестантской Реформации XVI в., но они не подвергались такому массовому уничтожению в ходе войн и революций, как во Франции или в России. Благодаря этому сохранившееся архивное наследие Англии является одним из богатейших в мире. Но в Англии XIX-XX вв. произошел ряд глубоких, по-настоящему революционных преобразований в архивном деле, вызванных политическими и социальными изменениями в стране. Так, избирательные реформы XIX в. и включение среднего класса, а затем и рабочих в политическую нацию привели к колоссальному росту объема документации. Следствием стало создание в Лондоне целого комплекса центральных архивов: Государственного архива (Public Record Office), Генерального архива актов гражданского состояния (Сомерсет Хаус), Патентного архива, Земельного реестра, Главного пробирного реестра. В XX в. в связи с созданием системы социального страхования возникла потребность в хранении сведений о доходах и страховых отчислениях граждан, и сеть архивов продолжила расширяться. Становление «государства благоденствия» сопровождалось централизацией архивного дела и умножением отчетности. Начиная с 1960-х гг. необходимая властям информация стала переводиться в цифровой формат, что потребовало от архивистов освоения новых навыков работы. При этом перед ними встала проблема, до сих пор остающаяся актуальной: какие

бумаги можно уничтожать после перевода содержащейся в них информации в цифровой формат, а какие следует сохранить. Таким образом, мирная Англия на протяжении своей новой и новейшей истории пережила ряд «архивных революций».

В целом, книга «Идентичность и утрата исторической памяти», несомненно, интересна и полезна всем, кто интересуется теоретико-методологическими проблемами исторического знания и формирования исторической памяти, кто имеет или только собирается приобрести опыт работы в архивах. Собранные в ней материалы показывают, сколь многообразными могут быть причины сохранения, уничтожения и реорганизации архивов, как отражаются на состоянии материальных носителей исторической памяти политика, властные и имущественные интересы, разного рода случайные обстоятельства и какое влияние всё это оказывает на историческое знание. Исходя из прочитанного, можно сделать вывод, что история страны отражается не столько в зеркале архивов, сколько в зеркале их истории.